СЕМЕН СПИВАК:

Требуется сердечный ум

Культура – 2002 – 10-16 авг. – с. 17

Видимо, художественному руководителю Санкт-Петербургского Молодежного театра на Фонтанке Семену СПИВАКУ ведом какой-то необычный секрет успеха. Все его спектакли, как поставленные на родной сцене, так и московские, просты и неприпязательны и вместе с тем пользуются невероятной популярностью у публики. Об этом мы и решили поговорить со Спиваком в его очередной приезд в столицу в преддверии открытия очередного сезона в Молодежном театре и аккурат после недавно приключившегося пятидесятилетия режиссера.

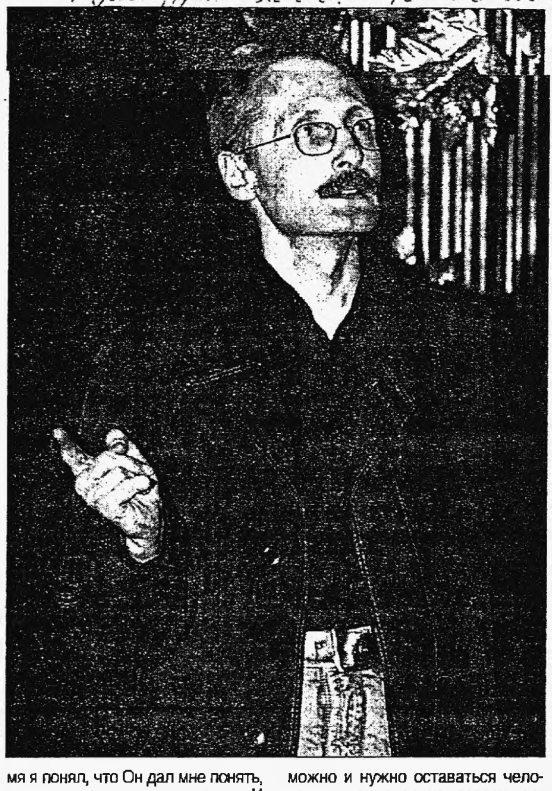

Фото О.КУЗНЕЦОВОЙ

– Семен Яковлевич, вы очень необычно отметили свой юбилей – бенефисом, что большая редкость среди режиссеров...

– У нас в Петербурге есть один замечательный фонд, который проводит бенефисы артистов. Он решил разнообразить свою деятельность и сделать бенефис режиссера. Так что это была не моя затея. Наоборот, я отказывался, а потом подумал: а почему бы и нет? Мы в театре выбрали интересный ход: взяли отрывки из моих спектаклей, и в каждом из них я играл маленькие роли вместо артистов. А в конце я сыграл свою студенческую работу – "Телеграмму" А.Володина. Это было интересно тем, что зрители никогда прежде не видели меня в качестве артиста. А ведь когда-то Георгий Александрович Товстоногов говорил, что мне стоило бы попробовать актерствовать.

– Вы работали с Товстоноговым?

– Когда я учился, он был зав. кафедрой режиссуры в ЛГИТМиКе. И им была введена такая тенденция: первые два года обучения режиссер только играет. Потому что если режиссер как следует не освоит актерское дело, то потом ему трудно работать с артистами. И я играл, например, Мечтателя в "Белых ночах" Достоевского, вот "Телеграмму" Володина, повторенную на бенефисе. Кстати, мне кажется, что на этом вечере удалось создать замечательную атмосферу. К чему я всегда стремлюсь у нас в театре. Ведь когда я пришел туда работать, тогдашний художественный руководитель Ефим Михайлович Падве находился в очень тяжелом душевном самочувствии. И когда я оказался в его кресле, то словно бы слышал все его мысли и тоже пережил нечто вроде кризиса. Потом, не будучи христианином, я решил освятить театр, когда репетировал "Грозу" А.Островского.

– Почему именно "Гроза" подвигла вас на такой шаг?

– Когда я ставил этот спектакль, процесс шел тяжело, у меня ничего не получалось. И я вдруг понял, что человек, писавший этот текст, был верующим. Возник какой-то тупик, у меня было такое напряжение, что стали возникать просто мистические моменты. Например, у меня была встреча с Христом. Спустя время я понял, что Он дал мне понять, что жизнь на этом не кончается. И "Гроза" после освящения театра пошла легко, сложилась как стихотворение. С тех пор во мне произошла определенная перемена. Мы в жизни часто путаемся, теряемся, не можем найти своего пути. Я вдруг понял, что задача, например, нашего театра – излучать радость и создавать праздник в душе каждого человека. И все свои спектакли я с тех пор ставил именно так.

– Что вы вкладываете в понятие "радость"?

– Мне кажется, что сейчас возникла огромная путаница между понятиями развлекательности и радости. А это очень тонкий вопрос. И иногда не очень думающий человек не может отличить радостный спектакль от развлекательного. Ведь в разное время должен быть разный театр. И сейчас театр должен давать человеку силу, веру, свет и надежду. Поскольку мы живем в тяжелое время, то когда ты приходишь в театр, а он тебя нагружает еще больше, даже если спектакль сделан талантливейшим человеком, то он несовременен. Это моя точка зрения. На развлекательном спектакле у человека поднимается настроение, на радостном – поднимается душа. У меня есть формулировка: театр – это светская форма поднятия души. И мы работаем в этом направлении. Так поставлены "Закат" Бабеля, "Касатка" Толстого, "Дни Турбиных" Булгакова – моя последняя премьера. Насчет нее критика много спорила. Не хватало драматизма, хотя я думаю, что тонкие драматические воздействия на некоторых людей не действуют – им нужна ударная сила. А мы сделали спектакль о том, что даже в тяжелое и смутное время можно и нужно оставаться человеком, несмотря на потери, верить, что будут новые испытания и ты с ними справишься. Словом, мы поставили спектакль о жизни. Хотя от нас ждали спектакля о смерти. Кстати, чуть ли не впервые у меня спектакль "выливался" почти без усилий. Сейчас я собираюсь ставить "Утиную охоту" Вампилова, и думаю, что спектакль тоже должен быть о преодолении человеком кризиса.

– Вы сказали, что критика воспринимает ваши спектакли неоднозначно; а какова позиция простого зрителя?

– Притом, что на премьеру "Дней Турбиных" мы сделали очень дорогие для Петербурга билеты, на спектакль невозможно попасть. И зрители уходят со спектакля с улыбкой. Для меня дороги именно такие простые вещи. В Библии замечательно сказано: "Все простое от Бога, все сложное от дьявола". Мы ставим спектакли простые, понятные. Наш театр – театр-семья, мы очень много внимания уделяем атмосфере. Хотя я не сказал бы, что у нас там рай земной – просто обыкновенная жизнь.

Наверное, некоторые профессионалы не понимают моих спектаклей, потому что в них нет четко очерченной идеи, нет явственного "о чем". Но Товстоногов замечательно сказал: "Идея в спектакле должна быть размешана, как сахар в чае, – ощущаться, но не быть видной". Наши спектакли трудно описать, рассказать о них словами. Но ведь понять – значит почувствовать. Наверное, требуется какой-то другой ум – сердечный.

– Если судить по вашим московским спектаклям, то и "Мужской род, единственное число", и "Мещанин-дворянин" как раз отвечают тем словам, которые вы сказали о своей задаче в творчестве; но при этом здешняя публика воспринимает эти спектакли как чисто коммерческие.

– У меня не было задачи делать коммерческие спектакли. Я согласился поставить "Мужской" род, единственное число" просто потому, что мне хотелось попробовать работать с другими артистами. Меня совершенно не интересует проблема изменения пола. Думаю, что нам удалось нащупать в пьесе человеческие, понятные всем вещи. Например, мне очень дорог такой момент: даже если происходит изменение природы женщины и она становится мужчиной, то мать в ней убить невозможно. Так же и в "Мещанине во дворянстве", пьесе, которую я очень люблю, я попытался вытащить тему человечности, построить спектакль так, чтобы радость перетекала в грусть, и наоборот. Сейчас я буду ставить здесь "Позднюю любовь" Островского и надеюсь не изменить своего подхода к драматургии.

– То есть вас не обидело бы, если бы кто-то сказал, что вы – режиссер коммерческий?

– Что означает "коммерческий режиссер"? Помнится, однажды Александр Петрович Свободин написал статью, где поставил такой вопрос: "Должен ли зритель хотеть смотреть спектакли?" И ответил: "Конечно, должен". Но у нас почему-то считается, что если зритель хочет смотреть спектакль, то это обязательно коммерческий спектакль. Но коммерческий спектакль строится на проверенных и довольно равнодушных вещах, всегда работающих: детективно закрученный сюжет, приглашенная "звезда" и т.д. А ведь простой, живой спектакль тоже может притягивать зрителя. Мне кажется, что и "Мужской род...", и "Мещанин..." – живые спектакли. Я люблю, когда артист балуется, когда ему хорошо. И зритель ходит на эти спектакли, потому что они добрые, чистые и оптимистичные. К коммерции это не имеет никакого отношения.

Конечно, у всех разные задачи. И я понимаю Феликса Яновича Демичева, директора Театра Станиславского. Ведь в театр не очень ходили, и нужно было что-то с этим сделать. А на моих спектаклях залы набиты битком. Я понимаю, что тем людям, которые сейчас идут по Тверской, нужно услышать простые слова и испытать простые эмоции. И если это называть коммерческим подходом, то я коммерческий режиссер. Товстоногов говорил: "Когда строишь театр, сделай сначала, чтобы зритель к тебе пришел, а потом делай самое дорогое". И поэтому я согласен с действиями Феликса Яновича: он привлекает в театр зрителя, которому потом можно будет рассказывать о самом дорогом.

Один петербургский критик однажды сказал обо мне: "Спивак дан нам в утешенье". Сначала я не очень понял, что он имел в виду. А потом подумал, что это очень правильно сказано. Да, мне хочется людям сделать легче. Мы говорим со зрителем о радости, о надежде, о любви. Ничего плохого в этом я не вижу.

Беседу вела
Алиса НИКОЛЬСКАЯ